

РЕКА ВО ТЪМЕ

Пролог

Что я помню из той ночи? Ночи, когда сбежал из Северной Кореи? Есть столько вещей, которые я не помню, которые выбросил из головы навсегда... Но я расскажу вам о том, что я на самом деле запомнил.

Моросит. Но скоро морозящий дождь превратится в проливной. Струи дождя настолько густы, что я промок до костей. Я бросаюсь под кустарник, начисто утратив чувство времени. Сил нет никаких.

Ноги увязают в грязи, но я все-таки выползаю из-под кустарника. Между веток вижу перед собой реку Амноккан (по-китайски — Ялуцзян). Но ее не узнать! Утром дети спокойно перебирались через этот ручей. Но этот кошмарный ливень превратил ее в непроходимый поток.

На другом берегу реки ярдах в тридцати в тумане виднеется Китай. Тридцать ярдов отделяют меня от смерти. Я дрожу. Я понимаю, что до меня здесь побывала не одна тысяча северокорейцев, пытавшихся во тьме разглядеть Китай, людей, одуревших от воспоминаний о тех, кого они оставили. Таких же, как и оставленные мною. Голодающих. Что еще им оставалось? Я глазею на течение реки и задаюсь вопросом, скольким из них улыбнулось счастье.

С другой стороны, какое это имеет значение? Останься я в Северной Корее, я погибну от голода. Все очень и очень просто. Во всяком случае, то, что я задумал, хоть какой-то, но выход, шанс уберечь свою семью или, по крайней мере, хоть как-то помочь им. Я всегда жил ради детей. Какой с меня толк для них, если я умру? Но я все еще не могу поверить в то, что я собрался сделать. Сколько дней назад я принял решение бежать через границу и вернуться туда, где родился? Стою и думаю об этом.

Четыре дня... А кажется, что целая жизнь. Четыре дня назад я покинул свой дом. Я взглянул в лицо жене, детям — может быть, в последний раз. И все же я не мог позволить себе тратить время на эти переглядки. Раз уж я надумал их вызволить, я обязан уйти, убежать, пока что у меня еще оставались на это силы. Или же погибнуть при попытке к бегству.

А что я съел за все это время? Несколько початков сладкой кукурузы, не считая сердцевин. И еще огрызок яблока, странный огрызок. Еду я отыскивал в мусорных кучах.

Пытаюсь высмотреть пограничников — я знаю, они засели в секретах вдоль берега реки с интервалом в 60 ярдов. Я готов умереть от истощения или утонуть при попытке переплыть реку. Но охранникам я не дам-ся. Все что угодно, только не это. И я погружаюсь в воду.

Последние слова, которые я произнес своей семье, до сих пор звучат у меня в ушах. *Если сумею убежать, не важно, каким способом и какой ценой, я и вас отсюда вытащу.*

Глава 1

Никто не решает родиться на свет сам. Мы просто рождаемся. И наше рождение — наша судьба, как утверждают некоторые. Ну, и дьявол с ним. Мне лучше знать. Я родился не однажды, а пять раз. И пять раз я извлекал тот же самый урок. Иногда в жизни тебе приходится схватить свою так называемую судьбу за глотку и свернуть ей шею.

Мое японское имя — Масадзи Исикава, а корейское — То Чхансон. Я родился (первый раз) в районе Мидзонокути в городе Кавасаки, к югу от Токио. Мне крупно не повезло, что я появился на свет между двумя мирами — от отца-корейца и матери-японки. Мидзонокути — район отлогих холмов, куда теперь в выходные устремляются толпы жителей Токио и Иокогамы, чтобы вырваться из города ради глотка свежего воздуха. Но шестьдесят лет назад, когда я был ребенком, здесь не было ничего, кроме горстки ферм с оросительными каналами от реки Тама, протекавшей между ними.

Тогда оросительные каналы использовались не только для сельского хозяйства, но в домашнем хозяйстве — для стирки белья и мойки посуды. Мальчишкой

я проводил долгие летние дни, играя у каналов. Усевшись в большое корыто для белья, я целыми днями плавал по воде, греясь на солнышке и глядя на облака. Мне, ребенку, неторопливое шествие по небу облаков напоминало бескрайнее море. Я спрашивал себя, а что будет, если и я поплыву по небу вместе с облаками. Смог бы я тогда добраться до страны, которую я никогда не знал? И даже о ней и не слышал? Я раздумывал о том, что ждет меня в будущем. Я хотел помочь беднякам — семьям, как моя, — разбогатеть, чтобы у них было бы достаточно денег, чтобы нормально и радостно жить. И еще я хотел, чтобы в мире не воевали. Я мечтал когда-нибудь стать премьер-министром Японии. Как же мало я понимал!

Я любил взбираться на соседний холм и ловить там жучков в утренней росе. В праздники я следовал за святынями, которые несли взрослые, и танцевал с ними танец льва. Все мои воспоминания такие приятные. Моя семья была бедной, но дни детства в Мидзонокути были самыми счастливыми в моей жизни. Даже сейчас, когда я думаю о своем родном городе, не могу удержаться от слез. Я все отдал бы за то, чтобы вернуться к тому счастливому времени, почувствовать себя беззаботным и полным надежд.

На окраине Мидзонокути раньше была деревня, где проживало сотни две корейцев. Потом я узнал, что большинство из них вывезли сюда из Кореи фактически насильно — работать на близлежащем заводе по производству боеприпасов. Мой отец, То Самдаль, был одним из них. Он родился на ферме в деревне Пончхон-

ри, эта местность принадлежит теперь Южной Корее. Его в возрасте 14 лет просто-напросто пригнали в Мидзонокути.

Но пока я не пошел в начальную школу, я даже и не знал, что у меня вообще был отец. Я ничего о нем не помнил вообще. Нет, правда, я узнал о существовании своего отца, только когда моя мать однажды взяла меня с собой и привезла в одно непонятное место, — позже меня просветили, что оно называлось тюрьмой. Там мы должны были увидеться с совершенно незнакомым мне человеком. Вот тогда мать и сказала мне, что это и есть мой отец. Уже намного позже этот человек, которого я видел через окно в комнате посетителей, оказался у нас дома. В округе он прослыл грубияном и забиякой, поэтому наша родня не общалась с ним.

Он редко оставался дома, но уж если оставался, то почти все время пил вонючую водку. Он запросто приканчивал пару литров этого зелья, причем быстро. Что было гораздо хуже, он, независимо от того, пьяный или трезвый, поколачивал мою мать. Мои сестры всегда пугались и прятались по углам. Я пытался остановить его, цепляясь за его ногу, но он всегда отшвыривал меня. Мать терпела, старалась не кричать от боли, только зубы стискивала. Я чувствовал себя беспомощным и испуганным, но защитить ее не мог. Со временем я просто старался как можно реже попадаться отцу на глаза. Да он и сам почти не обращал на меня внимания, в особенности если был в подпитии. Но мне не раз приходила в голову мысль, что когда-нибудь, когда я вырасту, я отплачу ему за все.

Мою мать звали Миёко Исикава. Она родилась в 1925 году. Ее родители держали лавку на углу старой торговой улицы, где продавали цыплят. Моя бабушка Хацу управляла магазином, работа эта была тяжелой и грязной. Куриное мясо было накромяно кое-как и упаковано соответственно. Совсем не так, как сейчас. Перед лавкой в беспорядке были навалены клетки, и когда приходил кто-нибудь из покупателей, бабушка тут же выхватывала оттуда пронзительно кудахтавшую курицу и при нем отсекала ей голову.

Бабушка страдала от астмы, на нее часто нападали приступы кашля. Когда я приходил из школы или еще откуда-нибудь домой, она, выгнув спину, просила меня: «Мабо, потри-ка ты мне спинку». И я несколько минут гладил и растирал тщедушную старушечью спину. А она всегда говорила мне: «Ты — добрый мальчик. Ты не будь таким, как твой отец. Я понять не могу, почему ваша мама сделала такую ошибку, выйдя за него».

Я понимал, почему она говорила «ошибка». Семью Исикава все уважали, эта фамилия была известна в округе с незапамятных времен. В Мидзонакути было много Исикава. Они и остальная часть местных жителей сформировали сплоченное сообщество. Мой дедушка, Сёукити, умер еще до моего рождения, но мне всегда рассказывали, каким хорошим и добрым человеком он был, как заботился о семье и других людях в округе. Он отдал мою мать в среднюю школу для девочек и убедил обучиться шитью. Хотя семью нельзя было назвать богатой, дед Сёукити изо всех сил старался дать своим детям хоть какое-то образование.

Моя мать была женщиной с характером. У нее было овальное, по-своему красивое лицо. У моего отца, с другой стороны, были острые, как бритва глаза, хорошо сложенное тело и мускулистые плечи. Не знаю, что моя мать в нем нашла — вероятно, ее прельстили присущие ему уверенность, решительность и инстинкт выживания. Я точно знаю, что вся округа была в шоке, когда они поженились. За глаза люди прозвали их «красавицей и чудищем» и никак не могли уразуметь, почему она вышла замуж за такого ужасного человека.

Моя бабушка однажды сказала мне: «Корейцы — варвары». Я очень ее любил, но меня ее слова рассердили. Хотя я чувствовал себя японцем — и был убежден, что я японец, — я хоть и наполовину, но был корейцем, и бабушка это знала отлично. Старшие братья матери, Сиро и Тацукити, иногда тоже высказывались в подобном духе. Их призвали на службу в японскую армию в Маньчжурии, и оба всегда описывали корейцев как грязных побирушек без гроша за душой, как стадо обезьян. Правда, в присутствии моего отца никто не решался сказать такое. Но если его вблизи не было, Сиро всегда повторял: «Миёко должна развестись с ним и как можно скорее. Корейцы — гнилые насквозь». И хотя мне было очень не по душе слышать подобные вещи, я не мог не согласиться с ними. Я питал сильнейшее отвращение к отцу, уж он-то вполне соответствовал мерзкой репутации корейцев и, избивая мать, каждый раз подтверждал эту репутацию. Ведь все происходило на

наших глазах — день за днем он изводил мать, пугал се-стер, так с чего моей бабушке любить корейцев?

Мой отец имел привычку с важным видом расхаживать по округе в компании человек 20—30 других корейцев. Он был одним из вожаков корейской общины и запросто мог отлупить любого японца, который пришелся бы ему не по душе. Причем ему было не важно, кто этот японец — обычный человек, полицейский или даже офицер военной полиции. Он был готов ввязаться в драку с любым. Корейцы видели в нем заступника, а местные японцы боялись его до полусмерти.

Отец всегда поступал так, как ему хотелось. После Второй мировой войны они с друзьями открыли на одной из улиц полуподпольный ларек, где приторговывали дефицитными в то время товарами — консервами, произведенными на военной фабрике, где мой отец раньше работал, сахаром, мукой, печеньем, одеждой и всем, что удалось тайком прикупить у американских солдат. Однажды мой папашка вместе с друзьями устроили крупную драку с американскими солдатами из-за товаров. Дурная слава закрепилась за ним неспроста.

Но что иного ему оставалось? После поражения Японии во Второй мировой войне осталось 2,4 миллиона корейцев, которые там застряли. Они не были ни победителями, ни побежденными, и идти им было некуда. Их просто бросили на произвол судьбы. Отчаявшись, не видя иного способа зарабатывать на жизнь, они нападали на грузовики с провиантом для японской императорской армии, а краденое сбывали на черном рынке.

Даже у тех, кто никогда не был жестоким прежде, не оставалось иного выбора, как только превратиться в преступников.

Странным образом все это беззаконие на самом деле даровало свободу этим людям. Во время войны у них существовало лишь два одинаково безнадежных выхода: либо стать солдатами армии врага, либо рабочими военных заводов, где царили рабские условия. Солдат отправляли на фронт в качестве пушечного мяса. Рабочие ишачили до полного изнеможения — или до смерти — у станков или на угольных шахтах. Так что жизнь преступника была истинным освобождением.

В какой-то момент мой отец вступил во «Всеобщую Ассоциацию корейских граждан в Японии» (позднее ставшую известной под названием «Чхонрён») — одну из двух организаций корейской диаспоры в Японии (другая организация называлась «Союзом корейских граждан в Японии», «Миндан» (далее автор утверждает, что это два названия одной и той же организации — сначала «Чхонрён», а потом «Миндан», но он ошибается. Скорее всего, он просто перепутал их, но в дальнейшем в его рассказе речь идет исключительно о функционерах «Миндана», хотя, похоже, описывает он при этом все же именно чхонрёнцев. — *Прим. ред.*). Ассоциация провозглашала приверженность принципам дружбы между японским и корейским народами и стремилась помочь корейцам зажить стабильной, нормальной жизнью в Японии. Но все было не так просто, хоть и звучало красиво. Еще с довоенных времен многие корейцы со статусом «постоянного жителя» в

Японии питали уважение к коммунистической партии. Политика компартии была антиимпериалистической, кроме того, она выступала за права постоянно проживавших в Японии корейцев. После войны и вскоре после учреждения Ассоциации известный коммунист по имени Ким Чхонхэ был выпущен из тюрьмы наряду с несколькими другими коммунистами. Эти люди, будучи в тюрьме, категорически отказались изменить взгляды. После освобождения они заняли ведущие посты в Ассоциации, которая, естественно, изрядно полевела. Но основной идеей отца в то время был отнюдь не социализм — ему до социализма не было никакого дела. Самым важным для него был национализм.

С моей точки зрения, не было особого различия между социалистическим движением, националистическим движением и жестокими разборками на черном рынке. Социалисты, националисты и рыночные громилы — все они были похожи друг на друга. У каждого была своя «японская биография», и все они были немущими. Они просто стремились обеспечить себе право на существование. А это означало борьбу за власть.

В Ассоциации мой отец был известен под кличкой «Тигр». Неудивительно. У него был свой «спецназ» — преданное ему уличное хулиганье, группа молодых людей, собиравшихся где-нибудь у захудалых лавчонок, разводивших в жаровнях огонь и весь день лакавших дешевое спиртное. Не знаю, обсуждали ли они проблемы черного рынка или же просто ждали, когда их позовут на очередные разборки, но в тот момент, когда в них возникала необходимость, они появлялись мгновенно.

В конце концов расчеты моего отца рухнули. «Всеобщая Ассоциация корейских жителей» была причислена к террористическим группам и была расформирована в 1949 году (в 1955 году возобновила свое существование — уже под контролем спецслужб КНДР. — *Прим. ред.*). Многие члены Ассоциации попытались перейти в «Миндан», но времена изменились. К тому времени власти восстановили общественный порядок, и надобность в людях, подобных моему отцу, то есть, в драчливых и необразованных уличных бойцах, — просто-напросто отпала. Союзу потребовались квалифицированные управленцы, администраторы, люди образованные, а мой отец даже читал с трудом. И я часто спрашиваю себя, может быть, именно то, что его отказались принять в «Миндан», в конечном счете и заставило его поверить всем этим обещаниям о райской жизни в Северной Корее?..

И теперь я вспоминаю о многом, о давно позабытых событиях. Иногда мне кажется, что лучше бы о них вообще забыть и не вспоминать никогда.

У меня было три младших сестры — Эйко, Хифуми и Масако, — но мы почти никогда не жили вместе в Японии. Поскольку наша семья была ужасающе бедна, нас разлучили и раскидали по домам наших родственников, разделив, таким образом, заботу о нас поровну между всеми. Все поменялось в тот год, когда я заканчивал начальную школу — тогда мы все вместе переехали в район Накано в Токио. Мой отец решил получить работу на стройке. Так он, во всяком случае, утверждал.